

**ЛЕКСИКА ПОВЕСТИ А. Н. ТОЛСТОГО «ОТРОЧЕСТВО»
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Д. А. Романов

Тульский государственный педагогический университет им. А. Н. Толстого,
Россия, 300026, Тула, проспект Ленина, 125
Поступила в редакцию 09.10.2025 г.
Принята к публикации 15.04.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-4

Исследуется лексика второй повести биографической трилогии Л. Н. Толстого – «Отрочество». Рассматриваются лексические пласты и отдельные лексемы, которые определяют специфику лингвопоэтики произведения. Словарный состав повести изучается на фоне лексики эпохи ее написания – середины XIX века, что позволяет увидеть новации Толстого и определить их роль в динамике развития русского литературного языка. Выявляются впервые зафиксированные в художественном тексте слова и формы слов (окказиональная неология), семантические сдвиги в полисемии уже используемых лексем, добавление словам новой коннотативной окраски. Методом корпусного анализа (по конкордансу и статистическим сводам Национального корпуса русского языка) определяются не только собственно новообразования толстовского текста, но и те лексемы, которые были укоренены в составе русского литературного языка благодаря повести Толстого и его творчеству в целом, а также те словарные единицы, которые получили своеобразный отпечаток толстовского идиостиля и сохраняют его до настоящего времени. Прослеживается роль отдельных лексем в создании особой лингвопоэтики повести, определяемой диалектикой души главного героя (эмоциональная, нравственно-этическая по значению, отвлеченная по лексико-грамматическим характеристикам лексика). Рассматриваются стилистические сдвиги некоторых слов в повести «Отрочество», использование автором разговорных единиц для достижения семантической точности выражения мысли и чувства, а также художественно-изобразительного результата. У большинства рассмотренных лексем определен вектор дальнейшего развития как в идиостиле Толстого зрелого и позднего периодов творчества, так и в словарном составе русского литературного языка.

Ключевые слова: коннотация, лексика, лексикография, лингвопоэтика, Л. Н. Толстой, Национальный корпус русского языка, неология, повесть «Отрочество», семантика, традиция

1. Введение

Достаточно долго изучение языка и стиля Л. Н. Толстого представляло собой рассмотрение отдельных его произведений в определенных лингвистических ракурсах. Масштаб творческого наследия писателя не позволял начать системную аналитическую работу, связанную с определением его вклада в развитие литературного языка той эпохи и последующего времени. Сейчас и лингвистическое толстоведение, и кор-

пусная лингвистика подошли к той точке, с которой можно начать говорить о соотношении языка произведений Толстого с литературным языком периода их создания и с лингвистическими фактами, зафиксированными в последующие годы, но так или иначе связанными с его текстами. Это позволяет в полной мере выявить творческие новации великого писателя и определить во всей полноте его влияние на развитие русского литературного языка.

Предметом настоящего исследования служит лексика второй повести биографической трилогии Толстого — «Отрочество» (1854), взятая на фоне отраженного Национальным корпусом русского языка словарного состава текстов середины XIX века и последующих эпох. Рассматривается текст повести, отредактированный автором и определенный как окончательный; дополнительно привлекаются первая и вторая черновые редакции повести, помещенные в 19-м томе полного собрания сочинений Толстого в 100 томах (2000).

В исследовательское поле включается не только формальная неология (окаzionaliальные новообразования), но и семантические, стилистические и отдельные грамматические черты толстовского языка, являющиеся оригинальными.

2. Теоретическая база исследования

Изучение вклада Л.Н. Толстого в развитие лексического состава русского литературного языка началось в середине XX века. Родоначальником этих исследований стал академик В.В. Виноградов, многие работы которого по истории слов и словообразовательных гнезд русского литературного языка иллюстрированы примерами из произведений Толстого. Это нашло отражение в итоговом капитальном собрании работ В.В. Виноградова по данной теме «История слов» (1999). Дальнейшее интроспективное рассмотрение лексических новаций Толстого осуществлено в работах Санкт-Петербургской семасиологической школы под руководством Ю.С. Сорокина. Изучая активные процессы в лексике русского языка XIX века, Ю.С. Сорокин и его последователи в группе «Словаря русского языка XIX века» Института лингвистических исследований РАН (В.Н. Калиновская, О.А. Старовойтова, С.А. Эзериня и др.) выявили главные направления эволюции словарного состава, развитие в нем комплекса конкретных дериваций, обогащение заимствованиями, стилистические преобразования, переходы внутри лексико-семантических и идеографических групп (Сорокин 1965; Старовойтова 2005; Калиновская, Старовойтова 2016; Калиновская, Эзериня 2019). В Институте русского языка АН СССР в 1970—1980-е годы коллектив лексикологов под руководством Ф.П. Филина (Е.Т. Черкасова, Л.М. Грановская, Е.С. Копорская и др.) активно изучал преобразования «различных генетико-стилистических пластов русской лексики XIX в.» — славянизмов, заимствований, регионализмов, базовой литературной лексики (Грановская 1978; Черкасова 1978; Филин 1981; Копорская 1988).

Во всех вышеназванных ономаσιологических и семаσιологических процессах второй половины XIX века Толстой, находившийся в наиболее активном периоде своего творчества, играл ключевую роль.

Вместе с тем только корпусная лингвистика дает возможность системно, последовательно и объективно определить новаторские черты, внесенные Толстым в лексические пласты русского языка. Возможности Национального корпуса (НКРЯ), представленные его создателями (Плунгян 2008; Гришина 2015; Савчук, Архангельский и др. 2024), ресурсы постоянно обновляемых его подкорпусов (диалектного, разговорного, журнального), данные совместимых с ними цифровых баз толстовских текстов и материалов о них (включая базы проекта *Tolstoy Digital*) позволяют увидеть подлинную картину эволюции лексического состава языка и место в ней тех или иных толстовских словоупотреблений. Современные компьютерные технологии позволяют не только анализировать большие текстовые объемы произведений Толстого, но и сопоставлять отдельные их компоненты с идентичными элементами языковой системы, в том числе зафиксированными лексикографическими источниками середины и второй половины XIX века.

Материалом данного исследования является лексический состав канонического варианта повести «Отрочество» (Толстой 1960) и некоторые фрагменты подготовительных вариантов текста Толстого (2000). Кроме того, привлекаются все сопоставимые с толстовским словоупотреблением примеры из НКРЯ (преимущественно в текстах других писателей и публицистов XIX – XX веков).

3. Методология

Текстовый неологический потенциал является основой отбора лексических единиц для рассмотрения; учитываются также уже имеющиеся в филологии материалы об общих новаторских чертах толстовского словоупотребления. Некоторые лексические единицы оказались в поле зрения ввиду их отсутствия в максимально близком по времени к толстовскому тексту лексикографическом своде — Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля (1994). Главным методом изучения лексики был корпусный анализ, включавший привлечение всех доступных автору подкорпусов НКРЯ. Во всех случаях применялась функция хронологического выстраивания материала НКРЯ (от более раннего к более позднему). При необходимости использовались статистические данные о количестве вхождений на ту или иную лексику и повторяемости использования лексических единиц у Толстого. Определение семантики лексем проводилось с опорой на электронные лексикографические ресурсы, а в некоторых случаях — и на специализированные лексикографические источники: (Грот, Шахматов web; Словарь XIX в. web; БАС).

4. Результаты и их обсуждение

Уже раннее творчество отразило внедрение Толстым в художественный текст сложных новообразований — преимущественно прилагательных и наречий, — состоящих из двух соединенных компонентов. Разумеется, подобного рода неологизмы не способны приобрести общезыковое распространение и узуальный статус, однако чрезвычайно велики их внутритекстовое значение (лингвопоэтическое) и роль в характеристике языковой личности автора, а также в структурировании его идиостилистического лексикона. Дальнейшее творчество Толстого свидетельствует о том, что он был склонен к словопроизводству сложных наречий и прилагательных, отводил им видное место в лексической ткани своих произведений. В «Отрочестве» отмечены четыре подобных лексемы: *пристально-бессмысленный*, *равнодушно-презрительный*, *страшно-мрачный* и *строго-повелительный*.

Надо указать также на создание Толстым одной из форм глагольного действия со значением 'осуществление действия некоторое, непродолжительное время', вполне в традициях русского словообразования по модели, до настоящего времени остающейся актуальной: *по-* + *глагол несовершенного вида* («Я пользуюсь такой счастливой минутой и прошу Филиппа дать мне *поправить*. Филипп дает мне сначала одну вожжу, потом другую...» [130]¹).

Ряд слов, создающих особый психологический колорит повести, объединял «Отрочество» с произведениями классиков русской литературы того времени — Григоровича, Островского, Достоевского, Тургенева и др. Эти слова выполняют у Толстого вполне традиционную, уже закрепленную за ними в языке роль. Толстовские контексты в этом отношении поддерживают уже сложившийся арсенал психологических лексем русского языка. Специфика их использования состоит в том, что в «Отрочестве» (и биографической трилогии в целом) они оформляют художественное открытие Толстого-психолога, детально проследившего, как именно «способность смотреть на мир чужими глазами приходит при взрослении, сопровождающем когнитивное становление, осознание своей роли в окружении и т.д.» (Демьянков 2022, с. 47). Вот три показательных примера:

1. «Но по тому *инстинктивному* чувству, которым один человек угадывает мысли другого и которое служит путеводною нитью разговора, Катенька поняла, что мне больно ее равнодушие...» [136]. Прилагательное *инстинктивный* в значении 'непреднамеренный, произвольный, безотчетный' (БАС, т. 7, с. 300) употреблялось в литературном языке с 1830-х годов. По данным НКРЯ, одними из первых в художественном

¹ При отсутствии специальных указаний в квадратных скобках после цитаты из повести Толстого приводится страница канонического варианта текста (по изданию 1960 года). Курсив в цитатах принадлежит автору статьи, если не оговорено иное.

тексте его употребили Н. А. Полевой и Н. И. Греч (1834), затем оно встречалось в романе «Кто виноват?» А. И. Герцена (1841), в рассказах В. А. Соллогуба и Д. В. Григоровича (1845).

2. «— Будто я странная? — отвечала Катенька с *одушевлением*, которое доказывало, что мое замечание интересовало ее...» [137]. Слово *одушевление* в значении 'эмоциональный подъем, энтузиазм' (БАС, т. 13, с. 576) отпочковалось от религиозных контекстов в конце XVIII века. Одно из первых таких употреблений — статья Д. И. Фонвизина. Конструкция с *одушевлением* возникла в художественных текстах с начала XIX столетия. НКРЯ дает контексты С. П. Жихарева (1806), П. А. Вяземского (1830), И. И. Лажечникова (1835).

3. «С приездом в Москву перемена моего взгляда на предметы, лица и свое отношение к ним стала еще *ощутительнее*» [139]. Прилагательное *ощутительный* ('остро чувствуемый, хорошо воспринимаемый' (БАС, т. 15, с. 244)) стало достоянием русского литературного языка в начале XIX века.

В целом биографическая трилогия Толстого, и «Отрочество» в частности, представляется полем большого толстовского эксперимента по детальному отражению человеческих эмоций, чувств, состояний. Здесь в каждой главе встречается множество лексических единиц упомянутой семантики. Так, лишь на первой странице главы «Ненависть» нами зафиксированы следующие лексемы, передающие эмоционально-чувственные и интеллектуальные состояния человека: *ненависть, наслаждение, отвращение, уважение, хладнокровно, легкомысленный эгоизм, тщеславие, дерзость, невежественная самоуверенность, удовольствие, подавленное отчаяние, злоба, досада* (Толстой 2000, с. 131–132). Первый рецензент повести С. С. Дудышкин справедливо отмечал: «Не знаем, что больше хвалить... талант ли автора неоспоримый, мастерство ли рассказа, или ту умную наблюдательность, которая так редка» (Дудышкин 1854, с. 130).

Заметную группу в составе лексики «Отрочества» составляют «имена эмоций», то есть названия широкого спектра эмоциональных модальностей. В тексте нами отмечены *отчаяние, страх, ненависть* (так даже называется одна из глав), *презрение, любовь, стыд, наслаждение, уважение, страдание* и многие другие.

Нравственно-этические по содержанию слова также вносят весомый вклад в лингвопоэтику повести: *идеал, добродетель, совершенствование, мораль, достоинство, истина, вечность, бессмертие духа* и т. п.

Отдельно следует поставить французское *comme il faut*, которое Толстой впервые вводит в «Отрочестве», над которым он будет долго думать в дальнейшем и коннотация (а может быть, и содержание) которого в понимании писателя значительно изменится (подробнее см.: Романов 2007). Это французское выражение Толстой и его современники могли оформлять и в кириллической графике как одно слово — *комильфо*. В период написания «Отрочества» Толстой понимал *comme il faut* как 'порядочность' и даже придавал этому сочетанию позитивную коннотативную окраску. Вот микроконтекст: «Дубков имел двоякую

прелесть — воинственной наружности и, главное, возраста, с которым молодые люди почему-то имеют привычку смешивать понятие порядочности (*comme il faut*), очень высоко ценимую в эти года» [197].

Произведение Толстого во многом способствовало актуализации и закреплению приведенных выше лексем в литературно-художественном контексте эпохи и последующих этапов развития отечественной словесности.

Одним из ключевых слов повести является *направление*, обозначающее в толстовских контекстах 'систему взглядов, черты мировоззрения человека'. Вот два показательных примера использования этой лексемы: «Не стану час за часом следить за своими воспоминаниями, но брошу быстрый взгляд на главнейшие из них... до сближения моего с необыкновенным человеком, имевшим решительное и благотворное влияние на мой характер и *направление*» [187]; «Само собою разумеется, что под влиянием Нехлюдова я невольно усвоил и его *направление*...» [206]. Данное слово стало приобретать переносные значения, отличные от первичного пространственного, уже в XVIII веке. Применительно к человеческим взглядам, идеям, устремлениям первым, по данным НКРЯ, его употребил П. А. Вяземский, который в одном из своих писем 1819 года использовал словосочетание *направление умов, желаний*. Перевод семантики лексемы в мировоззренческую плоскость весьма созвучен эпохе романтизма, поэтому вполне понятно, что в духе Вяземского слово *направление* употребляли его современники, например А. И. Тургенев (*сие направление мыслей*) и А. С. Пушкин («О *направлении нашей поэзии*») (НКРЯ web). По наблюдениям Ю. С. Сорокина, «популярность и влияние этого слова в 40-е гг. становятся исключительными; требование *направления* — одним из основных требований по отношению к литературе и ее деятелям. <...> Бурная семантическая эволюция слова приводит еще к одному метонимическому смещению в его семантике. Оно начинает обозначать не только определенную тенденцию и устремление мысли, определенную идейную ориентацию, не только совокупность взглядов и воззрений писателя или журнала и т. д., но и известную литературную, научную, политическую группу, школу, носителей и хранителей этих тенденций, представителей определенного мировоззрения» (Сорокин 1965, с. 506). Толстой продолжает эту традицию, делая слово *направление* одним из знаковых для всей биографической трилогии. Он применяет его не к группе людей, не к «литературному органу, писателю или произведению», а к обычному человеку, чей поиск жизненных идеалов становится главным предметом изображения писателя.

Содержание и поэтика повести «Отрочество» естественно предполагают употребление большого количества слов, связанных с рефлексией человека. К их числу следует отнести и те лексемы, которые своей формой показывают обращенность чего-либо на себя, то есть формально-лингвистически, а не только семантически отражают рефлексивность. Ярким примером таких лексем выступают сложные слова с первой частью *сам-* /*сам(о)-* и *сво(е)-*. В тексте повести неоднократно

встречаются следующие существительные и прилагательные: *самодовольный, самодовольство, самодовольствие, самоуверенный, самоуверенность, своеправный, своеправие* и т.п. А слова *самолюбивый* и *самолюбие* становятся ключевыми в финале главы «Рассуждения», где они повторяются несколько раз. Именно рассуждения героя о самолюбии человека становятся отправной точкой его дружбы с Дмитрием Нехлюдовым, которую он считает очень важной для становления своего мировоззрения. В отроческие годы герой считает, что «всякий человек *самолюбив*, и все то, что ни делает человек, — все из *самолюбия*» [202]. Толстовская повесть доказывает, что «развитие этого класса слов находит свое объяснение и во внеязыковых обстоятельствах. Оно стоит в тесной связи с тем особым вниманием ко всякого рода проявлениям духовных процессов, протекающих в отдельной личности, и к развитию активного, деятельного начала в жизни общественной» (Сорокин 1965, с. 300).

К числу рефлексивных слов принадлежит, конечно, *умствование*, употребляемое Толстым во вполне традиционном для его времени значении, а также сочетание *изворотливость ума*, где ощутимо толстовское языкотворчество.

Толстой одним из первых русских писателей стал закреплять за словом *изворотливость* отрицательную оценочность. Эта лексема стала активно входить в употребление с началом XIX века. Первоначально оно имело значение ‘способность к легким и быстрым поворотам’ (Грот, Шахматов, т. 3, вып. 2, с. 316). Так, по данным НКРЯ, П. В. Анненков использовал это слово как характеристику умелых юридических деятелей — *адвокатская изворотливость*. К середине столетия *изворотливость* наиболее часто определяла деятельность купцов, торговцев и т.п., употребляясь в одном ряду с *ловкостью, оборотистостью, смекалкой, хитростью, лукавством*. Здесь уже стала намечаться тенденция к коннотативной окрашенности слова как отрицательно оценочного. Толстой — один из первых литераторов, который в своем творчестве последовательно придавал слову *изворотливость* негативную оценку, затем вошедшую и в узуальное его употребление. В «Отрочестве» читаем: «Из всего этого тяжелого морального труда я не вынес ничего, кроме *изворотливости* ума, ослабившей во мне силу воли, и привычки к постоянному моральному анализу, уничтожившей свежесть чувства и ясность рассудка» [186]. В таком же отрицательно коннотативном значении однокоренное слово возникнет потом в «Войне и мире» (умственные способности Пьера были «*сильнее и изворотливее*», что ставило Николая Ростова в тупик). И хотя Толстой имеет в виду прежде всего так называемую *гибкость ума* (которую все равно саму по себе оценивает отрицательно), тем не менее можно утверждать, что его творчество способствовало оформлению современного значения существительного *изворотливость* с негативной оценочностью — ‘хитрость, ловкость, умение любыми путями выходить из затруднительных ситуаций’ (БАС, т. 7, с. 103).

Некоторые существительные конкретной семантики на страницах «Отрочества» Толстой употреблял в значениях, не являвшихся высокочастотными для его времени. Например: «Папа был очень весел (он

был в выигрыше в это время), подарил Любочке дорогой серебряный сервиз и за обедом вспомнил, что у него во флигеле осталась еще бон-боньерка, приготовленная для именинницы» [163]. Разумеется, здесь под сервизом понимается 'набор украшений' или 'набор предметов для туалетного столика'. Корпусный анализ показывает, что в художественной литературе подобную семантику слово *сервиз* имело только в «Обрыве» И. А. Гончарова. Очевидно, Толстой и несколько позже Гончаров зафиксировали малочастотный смысловой вариант французского *servise* на русской почве.

Толстой способствовал внедрению в русский язык отдельных заимствований. Например, французское *flacon*, начавшее активно использоваться в русском языке с 1840-х годов, было быстро освоено и дало начало уже русскому деривационному гнезду. Первым производным в этом гнезде стал деминутив *флакончик*. В свою очередь «Отрочество», по свидетельству НКРЯ, — один из первых русскоязычных художественных текстов, где это новое слово было употреблено неоднократно. В главе «Старший брат» *разноцветный флакончик* из коллекции украшений на столе Володи, разбитый Николенькой, становится причиной ссоры братьев и отправной точкой для психологического исследования характера их взаимоотношений.

Прилагательное *несообразный* Толстой употребляет в двух значениях: 1) более привычном и распространенном для середины 1850-х годов — 'не соотносимый с чем-то, не соизмеримый с чем-то' (управление творительным падежом) и 2) 'лишенный необходимых свойств, недостаточный, ущербный; разительно отличающийся от других' (БАС, т. 12, с. 273). В первом значении слово *несообразный* применимо только к неодушевленным предметам, и его семантика объясняется внутренней формой (соотношением двух образов — сравниваемого предмета и объекта сравнения). В этом значении слово существует в языке с начала XVIII столетия. У Толстого находим: «Едва ли мне поверят, какие были любимейшие и постояннейшие предметы моих размышлений во время моего отрочества, — так они были *несообразны* с моим возрастом и положением» (2000, с. 136).

Второе, переносное значение, применимое в том числе к людям, активно начало развиваться в русском языке с 1820-х годов. Оно носило отчетливо разговорный и негативно-оценочный характер. По данным НКРЯ, одним из первых его использовал в своей «Хронике русского 1825—1826 гг.» А. И. Тургенев, написавший о *несообразном сюжете оперы*. Затем А. И. Герцен в романе «Кто виноват?» (1846) использовал сочетание *несообразная нелепость положения*. В этих примерах значение явно переносное, так как слово не управляет творительным падежом и нет семантики сравнения, однако оно еще применимо к предметному миру. Уже с 1840-х годов это прилагательное стало отрицательной характеристикой человека: у А. Н. Островского в «Свои люди — сочтемся» (1849) в речи Подхалюзина возникает сочетание *несообразная женщина*, а у И. С. Тургенева в рассказе «Касьян с Красивой Мечи» (1851) — *несообразный человек*. Толстой подхватывает это относительно новое значение.

В «Отрочестве» читаем: «...проявления его любви были весьма странны и несообразны...» [180]; «...не хотевшего и слышать о замужестве своей племянницы с Васильем, которого он называл человеком *несообразным и необузданным*» [Там же] (курсив автора). В последнем случае, как у Островского и Тургенева, явно разговорный контекст: так оценивает Василия, возлюбленного служанки Маши, ее дядя Николай.

«Отрочество» — одно из первых произведений отечественной литературы, где глагол *драпироваться* употреблен в переносном значении (применительно к St.-Jérôme сказано: «любил *драпироваться* в роль наставника» [178]). Как свидетельствует НКРЯ, значение 'принимать несвойственный вид, скрывать подлинную сущность, притворяться' (Словарь XIX в. web) начало развиваться у этого глагола в 1840-е годы, и Толстой (наряду с М. Ю. Лермонтовым и Н. В. Гоголем) является одним из творцов этой новой для языка метафорической семантики ранее сугубо «галантерейного» глагола. Как точно заметил Д. С. Мережковский, «из таких-то маленьких поразительных наблюдений и открытий, как из первоначальных клеточек, состоит самая основа — вся живая ткань его произведений» (1909, с. 158).

Толстой был способен актуализировать, «оживлять» отдельные достаточно распространенные в литературно-художественной практике метафоры путем обновления их сочетаемости. Например, лексема *театр* в метафорическом значении 'площадка для каких-либо действий, событий' (Словарь XIX в. web) широко использовалась в литературных текстах середины XIX века. У Толстого эта семантика актуализируется необычной валентностью лексемы: «О предмете моих размышлений расскажу в следующей главе; *театром* же моих *наблюдений* преимущественно была девичья...» [179–180].

Прилагательное *патетический* стало применяться в нетерминологическом значении начиная с 40-х годов XIX века: «...распространение слова *пафос* в употреблении совлекает с него... эстетические одежды» (Сорокин 1965, с. 123); то же можно сказать и о родственном прилагательном *патетический*. Оно иллюстрирует общую языковую тенденцию столетия — семантическое преобразование слов-терминов «происходит чаще всего не в пределах терминологически замкнутых систем, а в системе общелитературного языка в целом» (Филин 1981, с. 241). У Толстого оно используется уже как вполне характерное для художественного дискурса: «— Николенька! — сказал он мне самым простым, нисколько не *патетическим* голосом...» [143]. Слово представляет определенный ракурс авторского видения ситуации, совмещающий сознание взрослого (рассказчика) и подростка (главного героя). Свидетель первой публикации «Отрочества» П. В. Анненков писал: «...каждое слово его проникнуто уважением как к задаче, принятой им [Толстым] на себя, так и к возрасту, который столько же имеет неразрешимых вопросов... сколько и всякий другой возраст» (1982 [1855], с. 340).

Сложное прилагательное *миротворный*, церковнославянское по происхождению, долгое время оставалось в русском языке атрибутом высокого стиля и употреблялось преимущественно в контекстах рели-

гиозного содержания. Лишь в начале 1850-х годов оно стало переходить в нейтральную сферу употребления и терять свойства поэтизма. Этому во многом способствовали писатели натуральной школы А. В. Дружинин, А. Ф. Писемский и др. (в частности из Писемского НКРЯ приводит такое словосочетание: *миротворное расположение духа*, 1851). Толстой также внес вклад в стилистическую демократизацию этого прилагательного. В «Отрочестве» о докторе Блюментале сказано: «...тщетно старался успокоить Гашу, делая ей глазами и головой таинственные *миротворные* знаки» [146].

Отдельные отвлеченные существительные в тексте «Отрочества» приобретают акцентированную семантику, если используются в афористических предложениях нарратора. В таком случае подобные слова особенно весомы для языка именно в толстовском употреблении, а вклад писателя в их смысловое развитие и функциональное художественное закрепление начинает осознаваться вполне четко. Корпусная проверка, как правило, показывает, что толстовский контекст слова в таких случаях относится к числу первых или семантически оригинальных. Так, слово *неправдоподобность* заметно акцентировано в следующем толстовском умозаключении: «Опять повторяю, что *неправдоподобность* в деле чувства есть вернейший признак истины» [196]. Абстрактное существительное *неправдоподобность* НКРЯ впервые фиксируется в письме А. С. Пушкина В. К. Кюхельбекеру (1825), затем — в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (1847). Толстовское употребление — одно из первых в художественном тексте и, хотя оно не является семантически или стилистически оригинальным, тем не менее весьма показательным в лингвистически иллюстративном плане, потому что лексема здесь выполняет роль ключевого компонента авторского афоризма.

Как свидетельствует НКРЯ, «Отрочество» — произведение, в котором обнаруживается вторая текстовая фиксация отвлеченного существительного *поразительность* (до этого оно употреблялось лишь в «Опыте риторики» И. С. Рижского, 1822). Нужно отметить, что в повести ощутимо начало той лингвопоэтической линии, которая будет свойственна дальнейшим сочинениям Толстого, — частотное употребление абстрактной лексики, закономерно оформляющей авторские размышления, отступления от основной содержательной линии, вставки философского характера. Многие подобные слова Толстой употреблял одним из первых, продвигал их в литературный язык (не только художественный, но и публицистический), возводил в ранг морально-этических терминов. В биографической трилогии эти тенденции уже наметились.

Выше говорилось об акцентуации слова *неправдоподобность*. Существительное *поразительность* так не выделено, однако весьма заметно в философско-рассуждающей части авторской наррации: «Мысли эти представлялись моему уму с такой ясностью и *поразительностью*, что я даже старался применять их к жизни, воображая, что я *первый* (курсив автора. — Д. Р.) открываю такие великие и полезные истины» [184]. Разумеется, это слово не изобретение, не окказионализм Толстого или

упомянутого выше первого ректора Харьковского университета, ритора и философа И. С. Рижского. Оно относилось до своего первого употребления к числу так называемых потенциальных слов, способных развиваться в деривационной цепочке от прилагательного *паразитный*. Вместе с тем нельзя недооценивать роль первых текстовых фиксаций лексемы и значение для литературного языка творчества тех людей, которые первыми слово использовали. Толстой — родоначальник применения этой лексемы в художественном тексте. Вслед за ним, по данным НКРЯ, идут В. В. Крестовский, Н. С. Лесков, Г. И. Успенский и др. Всего НКРЯ отмечает на эту лексему 40 вхождений, то есть она принадлежит в русском литературном языке к числу низкочастотных. Но для толстовского идиостиля лексема характерна, потому что писатель использовал ее еще раз, уже в поздний период творчества, — в статье «Закон насилия и закон любви» (1908).

Отвлеченная лексика, чаще всего обозначающая качества и свойства, составляет заметную зону в художественном лексиконе Толстого и постоянный предмет его языкотворчества. Зарождение и семантические преобразования подобных слов в произведениях Толстого и других крупных писателей второй половины XIX века сформировали одну из важнейших тенденций развития словарного состава русского литературного языка этого периода, объяснимую «интересом к внутренней жизни человека» (Филин 1981, с. 24).

Текст «Отрочества» сыграл роль в продвижении в литературный язык отдельных разговорных слов. Так, существительное общего рода *коротконожка* стало достоянием русского литературного языка во многом благодаря Толстому. В «Отрочестве» читаем: «Дубков был маленький жилистый брюнет, уже не первой молодости и немного *коротконожка*, но недурен собой и всегда весел» [197]. По свидетельству НКРЯ, толстовское текстовое употребление было не первым: родоначальником литературного использования слова стал А. В. Дружинин (1850). Но вхождений из Толстого в корпусе два: слово *коротконожка* встречается еще в романе «Анна Каренина». Следовательно, это существительное было в лексиконе Толстого и из него шагнуло в литературный язык. Налет разговорности за лексемой, конечно, сохранился. Она встречается впоследствии в текстах В. В. Крестовского, Н. С. Лескова. Всего НКРЯ дает на слово 21 вхождение вплоть до XXI века, то есть оно заняло свое место в литературном языке, хотя и не стало частотным.

В целом Толстой не чуждался разговорных слов и даже просторечия, но только в том случае, если они нужны были ему с художественно-выразительными целями. Так, чтобы снизить излишнюю патетику и охарактеризовать отца как человека, способного к теплым, «домашним» отношениям с детьми, которых он искренне любит, Толстой вводит в его лексикон слова подобного стилистического разряда. Обращаясь к затравленному St.-Jérôme Николеньке он участливо спрашивает: «Об чем ты, *пузырь?*» [177], стремительно взрослеющий Николенька вспоминает: «Одно утешает меня: это то, что про меня папа сказал как-то, что у меня *умная рожа*, и я вполне верю в это» [196] (курсив автора. — Д. Р.).

В других случаях разговорные слова нужны для придания тексту предельной смысловой точности. Так, рассказывая о проводах Володи на первый университетский экзамен, автор сообщает: «...бабушка, тоже *притащившаяся* к окну, со слезами на глазах, крестит Володю до тех пор, пока фэтон не скрывается за углом переулка, и шепчет что-то» [188]. Общеупотребительный разговорный глагол *притащиться* имел и до сих пор имеет значение 'дойти с трудом, через силу' (в том числе применительно к людям больным, старым, немощным и т.п.) (БАС, т. 20, с. 215). В данном случае причастие от этого глагола максимально соответствует смыслу изображаемой сцены.

Нужно отметить, что глагол *притащиться*, несмотря на свой разговорный характер, довольно активно использовался литературой эпохи Толстого именно в приведенном выше значении (НКРЯ дает фрагменты из произведений Н. Ф. Павлова, И. И. Панаева, Н. А. Некрасова и др. конца 1830-х — начала 1850-х годов, где этот глагол отнесен к старикам, нищим, калекам). Об особенностях лексического выбора Толстого весьма точно писал в свое время Ю. И. Айхенвальд: «Толстой говорит первыми словами. Он потом не поправляет. Он не отделяет. Кто видел корректуры его сочинений, тот знает, каким бесконечным переделкам подвергает он все им написанное, как долго и добросовестно обдумывает он каждую строку, — но ни одна, решительно ни одна из этих бесчисленных настойчивых поправок не касается стиля, внешности: все они имеют в виду только существо, только содержание. Забота о слоге для Толстого не существует; о технике он не думает...» (1908, с. 111).

В таком же общепринятом значении, как причастие *притащившаяся*, Толстой использует и частотную для его времени разговорную лексему *гиль* («...все то, о чем я думал, была ужаснейшая *гиль*» [186]), входившую, по В. В. Виноградову, в гнездо древних просторечных слов: *гилить* — 'балагурить, острить', *изгилай*, *разгильдай* — 'лентяй, повеса' и др. (1999, с. 123). Здесь нужно отметить и уже сложившуюся в языке к 1850-м годам привычную сочетаемость этого существительного с адъективом *ужаснейшая* (*ужасная*).

Повесть Толстого содержит один из первых контекстов книжной лексики *удобоисполнимый*: «Тогда исправить все человечество, уничтожить все пороки и несчастья людские казалось *удобоисполнимою* вещью...» [206]. Согласно НКРЯ, первые употребления этого сложного и отчетливо книжного, стилистически закрепленного за юридическим и политическим дискурсами слова относятся к 1840-м годам. Оно встречается в «Темневской ярмарке» В. А. Соллогуба (1845), «Брусине» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1848). У Толстого лексема поддерживает контекст философских рассуждений нарратора и выступает в значении, которое становилось постепенно традиционным для языка, — 'удобный, легкий для исполнения'.

Нечасты для Толстого какие-либо грамматические преобразования и нововведения. Можно отметить образование сравнительной степени относительного прилагательного с сохранением исконного значения (без перехода в разряд качественных признаков): *дорога становится пыльнее* [129].

Обращает на себя внимание и авторский фразеологизм (метафорическое фразеологическое единство) *удить рыбу* в значении 'дремать во время работы, выполнения какого-либо дела': (о кучере Василии) «...я... замечаю, что он начинает *удить рыбу* на козлах» [Там же] (курсив автора. — Д. Р.). Этот фразеологизм отмечен со ссылкой на Толстого и пометой *иносказание* в «Опыте русской фразеологии» М. И. Михельсона как синоним к слову *дремать* и устойчивому сочетанию *клевать носом* (1994, с. 408).

5. Заключение

Идиостилю «раннего» Толстого не было свойственно создание окказиональных новообразований. Исключение составляют сугубо текстовые сложные единицы, включающие преимущественно прилагательные. Они не становились достоянием словаря, а выполняли исключительно текстовую лингвопоэтическую роль.

Новаторство Толстого состоит преимущественно в семантическом развитии лексем, в выработке у них новых значений, расширении структуры полисемии. Подобные явления внесли существенный вклад в смысловую детализацию, в углубление семантики многих лексем русского языка, входящих в состав морально-этической, эмоционально-чувственной и интеллектуально-аналитической тематических групп русского языка.

Уже раннее творчество Толстого способствовало активному взаимодействию различных стилистических пластов русской лексики: художественному освоению просторечия, переходу в литературный язык терминологической лексики, обретению обычными узуальными лексемами статуса морально-этических категорий.

Творчество Толстого способствовало отражению в литературном языке широкого семантического спектра бытовавших в языке середины XIX века заимствований. Часть значений подобных слов, зафиксированных в повести Толстого «Отрочество», до настоящего времени не сохранилась, а следовательно, подобная фиксация является важным источником понимания семантической эволюции заимствованной лексики в русском языке.

Толстой способствовал освоению заимствованных (преимущественно французских) лексем на русской почве и их включению в систему национальной деривации.

В раннем творчестве Толстого началось закрепление за отдельными лексемами коннотативной окраски, до того им не свойственной. Такая «печать» толстовского творчества у отдельных слов укоренилась в лексикографической традиции и сохраняется до настоящего времени при иллюстрировании их семантики в толковых словарях.

Языку Толстого свойственны отдельные грамматические и фразеологические новации, которые носят преимущественно «камерный» характер, однако получают широкую известность благодаря популярности произведений писателя.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-20226 «Контексты биографической трилогии Л.Н. Толстого: XXI век», <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

Список литературы

Айхенвальд, Ю.И., 1908. Лев Толстой. В: *Силуэты русских писателей*. Выпуск 2. М., с. 109–136. [Aikhenvald, Yu.I., 1908. Lev Tolstoy. In: *Silhouettes of Russian Writers*. Issue 2. Moscow, pp. 109–136 (in Russ.)].

Анненков, П.В., 1982 [1855]. О мысли в произведениях изящной словесности. (Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л.Н.Т.). В: *Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века*. Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осповата. М., с. 319–344. [Annenkov, P.V., 1982 [1855]. On Thought in Works of Belles-lettres. (Notes on the Recent Works of Messrs. Turgenev and L.N.T.). In: V.K. Kantor and A.L. Ospovat, eds. *Russian aesthetics and criticism of the 40–50s of the XIX century*. Moscow, pp. 319–344 (in Russ.)].

БАС — *Большой академический словарь русского языка*, 2004–2024. Т. 1–28. М.; СПб. [Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language, 2004–2024. Vol. 1–28. Moscow; St. Petersburg (in Russ.)].

Виноградов, В.В., 1999. *История слов*. М. [Vinogradov, V.V., 1999. *History of Words*. Moscow (in Russ.)] EDN: LWUKGY

Грановская, Л.М., 1978. О некоторых семантических изменениях в русской литературной лексике последней трети XIX — начала XX в. В: *Эксперименты в историю русской лексики*, Сборник статей. М., с. 89–105. [Granovskaya, L.M., 1978. On Some Semantic Changes in Russian Literary Lexicon of the Last Third of the 19th — Early 20th Centuries. In: *Excursions into the History of Russian Lexicon*, Collection of Articles. Moscow, pp. 89–105 (in Russ.)].

Гришина, Е.А., 2015. Мультимодальный модуль в составе Национального корпуса русского языка. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, 6, с. 65–88. [Grishina, E.A., 2015. A Multimodal Module in the National Corpus of the Russian Language. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 6, pp. 65–88 (in Russ.)] EDN: VJQBVB

Грот, Я.К., Шахматов, А.А. (ред.), 1891–1937. *Словарь русского языка, составленный 2-м отделением Императорской Академии наук*. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Словарь_русского_языка_\(1891-1937\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Словарь_русского_языка_(1891-1937)) (дата обращения: 22.08.2025). [Grot, Ya.K. and Shakhmatov, A.A., eds., 1891–1937. *Dictionary of the Russian language, compiled by the 2nd Section of the Imperial Academy of Sciences*. Available at: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Словарь_русского_языка_\(1891-1937\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Словарь_русского_языка_(1891-1937)) [Accessed 22 August 2025] (in Russ.)].

Даль, В.И., 1994. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. И.А. Бодуэн де Куртенэ (ред.). (Репринт 1903–1909 гг.). М. [Dal, V.I., 1994. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. In 4 vols. I.A. Baudouin de Courtenay, ed. (Reprint 1903–1909). Moscow (in Russ.)].

Демьянков, В.З., 2022. О креативности обыденной мудрости. В: *Язык. Человек. Культура*, Сборник научных трудов. М., с. 45–51. [Dem'yankov, V.Z., 2022. On the Creativity of Everyday Wisdom. In: *Language. Man. Culture*, Collection of Scientific Papers. Moscow, pp. 45–51 (in Russ.)] EDN: CPDASG

Дудышкин, С.С., 1854. Раздел «Журналистика». *Отечественные записки*, 11, с. 128–144. URL: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/dudyshkin-zhurnalistika-statya-pervaya.htm> (дата обращения: 22.08.2025). [Dudyshkin, S.S., 1854. Section “Journalism”. *Otechestvennye zapiski*, 11, pp. 128–144. Available at: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/dudyshkin-zhurnalistika-statya-pervaya.htm> [Accessed 22 August 2025] (in Russ.)].

Калиновская, В.Н., Старовойтова, О.А., 2016. «Словарь русского языка XIX века» как историко-лексикологическое исследование нового типа. В: *Язык и метод: Русский язык в исследованиях XXI века. Том 3*. Краков, с. 35–42. [Kalinovskaya, V.N. Starovoytova, O.A., 2016. "Dictionary of the 19th Century Russian Language" as a New Type of Historical and Lexicological Study. In: *Language and Method: Russian Language in 21 Century Research. Vol. 3*. Krakow, pp. 35–42 (in Russ.)] EDN: XHNNWV

Калиновская, В.Н., Эзериня, С.А., 2019. Семантические деривации в русском языке XIX века: системное и индивидуально-авторское. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, 19, с. 77–84. [Kalinovskaya, V.N., Ezerynya, S.A., 2019. Semantic derivation in the 19th century Russian language: the system-based and the authors' individual. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 19, pp. 77–84 (in Russ.)] EDN: RNUGRN

Копорская, Е.С., 1988. *Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени*. М. [Koporskaya, E.S., 1988. *Semantic history of Slavisms in the Russian literary language of modern times*. Moscow (in Russ.)].

Мережковский, Д.С., 1909. *Л. Толстой и Достоевский: жизнь и творчество*. [Merezhkovsky, D.S., 1909. *L. Tolstoy and Dostoevsky*. (in Russ.)].

Михельсон, М.И., 1994. *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний*. В 2 т. Том 2. (Репринт 1912 г.). М. [Mikhelson, M.I., 1994. *Russian Thought and Speech: One's Own and Another's: An Essay on Russian Phraseology: A Collection of Figurative Words and Allegories*. In 2 volumes. Vol. 2. (Reprint of 1912). Moscow (in Russ.)].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.08.2025 г.). [Russian National Corpus. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 01 August 2025] (in Russ.)].

Плунгян, В.А., 2008. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики. *Русский язык в научном освещении*, 2(16), с. 7–20. [Plungyan, V.A., 2008. Corpus as a Tool and as an Ideology: On Some Lessons of Modern Corpus Linguistics. *Russian Language in Scientific Light*, 2(16), pp. 7–20 (in Russ.)] EDN: MTBALV

Романов, Д.А., 2007. Феномен *comme il faut*. В: И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре. Рязань, с. 165–171. [Romanov, D.A., 2007. The phenomenon *comme il faut*. In: *I.I. Sreznevsky and the History of Slavic-Russian Philology: Trends in Science, Education, and Culture*. Ryazan, pp. 165–171 (in Russ.)].

Савчук, С.О., Архангельский, Т.А., Бонч-Осмоловская, А.А. и др., 2024. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, 2, с. 7–34. [Savchuk, S.O., Arkhangel'skiy, T.A., Bonch-Osmolovskaya, A.A. et al., 2024. Russian national corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, 2, pp. 7–34 (in Russ.)] EDN: AATSXV, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>

Словарь русского языка XIX в. URL: <https://xix.iling.spb.ru/> (дата обращения: 22.08.2025) [Dictionary of the Russian language of the 19th century. Available at: <https://xix.iling.spb.ru/> (in Russ.)].

Сорокин, Ю.С., 1965. *Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века*. М.; Л. [Sorokin, Yu.S., 1965. *Development of the vocabulary of the Russian literary language. 30s – 90s of the 19th century*. Moscow; Leningrad (in Russ.)].

Старовойтова, О.А., 2005. Динамика языковых процессов в художественном тексте XIX века как предмет лексикографического описания. В: *Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии*. СПб., с. 247–277. [Starovoitova, O.A., 2005. Dynamics of linguistic processes in 19th century fiction as a subject of lexicographical description. In: *Current issues in historical lexicography and lexicology*. St. Petersburg, pp. 247–277. (in Russ.)] EDN: VLUAKH

Толстой, Л. Н., 1960. Отрочество. В: *Собрание сочинений в 20 т.* Т. 1. М., с. 97 – 170. [Tolstoy, L. N., 1960. Adolescence. In: *Collected works in 20 volumes.* Т. 1. Moscow, pp. 97 – 170. (in Russ.)].

Толстой, Л. Н., 2000. Отрочество. В: *Полное собрание сочинений в 100 т. Редакции и варианты художественных произведений.* Т. 1(19). М., с. 235–358. [Tolstoy, L. N., 2000. Adolescence. In: *Complete works in 100 volumes. Editions and variants of works of art.* Vol. 1(19). Moscow, pp. 235 – 358 (in Russ.)].

Филин, Ф. П. (ред.), 1981. *Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века.* М. [Filin, F. P., ed., 1981. *Vocabulary of the Russian Literary Language of the 19th – Early 20th Centuries.* Moscow (in Russ.)].

Черкасова, Е. Т., 1978. О роли диалектной лексики в обогащении словарного состава русского литературного языка (К постановке вопроса). В: *Эксперименты в историю русской лексики.* М., с. 45–61. [Cherkasova, E. T., 1978. On the Role of Dialectal Lexicon in Enriching the Vocabulary of the Russian Literary Language (Towards the Formulation of the Question). In: *Excursions into the History of Russian Lexicon.* Moscow, pp. 45–61 (in Russ.)].

Об авторе

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия.

ORCID: 0000-0002-9650-3408

SPIN-код: 1110-3808

E-mail: kafrus@rambler.ru

Для цитирования:

Романов Д. А. Лексика повести Л. Н. Толстого «Отрочество» в контексте развития русского литературного языка // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 62–78. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE LEXIS OF LEO TOLSTOY'S NOVELLA "BOYHOOD" IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Dmitry A. Romanov

Tula State L. N. Tolstoy University,
125 Lenin St., Tula, 300026, Russia

Received on 09.10.2025

Accepted on 15.04.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-4

The article examines the lexis of "Boyhood", the second novella in Leo Tolstoy's autobiographical trilogy. It considers the lexical strata and individual lexemes that shape the distinctive linguopoetics of the work. The lexis is analysed against the lexical background of the period in which it was written, namely the mid-nineteenth century. This approach makes

it possible to identify Tolstoy's linguistic innovations and determine their role in the evolution of the Russian literary language. The study identifies words and word forms first recorded in a literary text, which are instances of occasional neology, as well as semantic shifts within the polysemous structures of established lexemes and the acquisition of new connotative meanings. Corpus analysis, based on concordance data and statistical summaries provided by the Russian National Corpus, is used to distinguish Tolstoy's own lexical innovations from lexemes that became firmly established in the Russian literary language owing to "Boyhood" and Tolstoy's oeuvre more broadly. The analysis also considers lexical units that acquired the distinctive imprint of Tolstoy's individual style and have retained this association to the present day. Particular attention is paid to the role of individual lexemes in creating the novella's specific linguopoetic structure, which is shaped by the dialectics of the protagonist's inner life. This structure is characterised by emotionally and ethically marked vocabulary that is predominantly abstract in its lexical and grammatical properties. The article also examines stylistic shifts affecting certain words in "Boyhood" and Tolstoy's use of colloquial lexical units to achieve semantic precision in the expression of thought and emotion, as well as specific artistic and representational effects. For most of the lexemes under consideration, the study traces the direction of their subsequent development both in Tolstoy's individual style during the mature and later periods of his literary career and in the lexis of the Russian literary language as a whole.

Keywords: Boyhood, Leo Tolstoy, vocabulary, semantics, connotation, neology, tradition, linguapoetics, Russian National Corpus, lexicography

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-20226 "Contexts of Leo Tolstoy's Biographical Trilogy: The 21st Century", <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

The author

Prof. Dmitry A. Romanov, Centre for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State L.N. Tolstoy University, Tula, Russia.

ORCID: 0000-0002-9650-3408

E-mail: kafrus@rambler.ru

To cite this article:

Romanov, D.A., 2026, The lexis of Leo Tolstoy's novella "Boyhood" in the context of the evolution of the Russian literary language, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 62–78. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-4.

